

№ 2 ИЮЛ 1983

Молодёжь Эстонии
г. Таллин

НЕ СТИХИ — ОТДЕЛЬНЫЕ СТРОЧКИ

ЗАМЕТКИ С ВЫСТАВКИ БОРИСА ШАПОВАЛОВА

Это случится позже. Требуя внимания, застынет на мгновение поднятая вверх дирижерская палочка, и затем по ее знаку в тишину согласованно вступят скрипки, чутко откликнутся им в ответ виолончели, весело или печально взметнется высокий голос труб, утверждая или возражая скажут свое веское слово ударные. Зазвучит

Впрочем речь у нас пойдет не о музыке. А может быть, все-таки и о ней, но только переложенной на язык линии, силуэта, цветового пятна, на язык пейзажа, портрета, композиции.

И портрет, и пейзаж, и композицию порой очень непривычные, чаще эскизные, чем законченные, можно увидеть на выставке работ художника Бориса Шаповалова, открывшейся только что в просторном фойе Дома печати. Не их ли эскизность

и кажущаяся незавершенность и наводят на мысль об инструментальных, еще настраиваемых, но готовых зазвучать в любое мгновение в полный голос?

Из скромной аннотации, предворяющей выставку, можно узнать, что Борису Шаповалову 31 год, что он окончил архитектурное отделение Новосибирского инженерно-строительного института, где позже преподавал рисунок, что на его счету несколько оформленных в Ле-

нинграде и Алма-Ате балетных спектаклей и одна сравнительно давняя персональная выставка, что вот уже год он живет и работает в Таллине. Добавим к этому, что, кроме акварелей, рисунков фламастером и аппликаций, Шаповалов немало пишет и маслом, но живописных своих полотен на выставке не показывает. И в этом есть, видимо, свой резон, ибо живописные работы на этом празднике рисунка непосредственного, яркого,

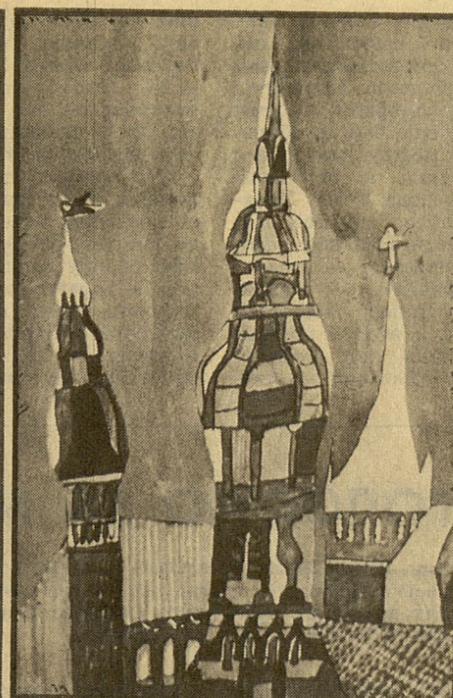

раскрепощенного могли бы показаться элементами чужеродными, утяжеляющими общую тональность экспозиции. А она — многоцветна, многообразна и... не проста.

Когда смотришь на эти миниатюры, сделанные словно бы походя на розовой промокашке или квадратике миллиметровки, или желтоватой оберточной бумаге, то возникает чувство, что художник не просто рисует, но забавляется, затевает с вами некую игру. Очень часто так рисуют дети. Еще не отдышавшись после шумной игры, они, присев на краешек стула, хватают карандаш или фламастер и на первом подвинувшемся под руку клочке бумаги пытаются воспро-

известить только что увиденное или рожденное игрой, фантазией, не замутненным ничем своим воображением. Но детскость эта в работах Шаповалова далека от инфантильности. Она ведет зрителя не в сторону ребячливости, школярства, в ней, скорее, свой способ открыться, довериться, представ нежным или непримиримым, добрым или неуступчивым.

Зрителю, привыкшему к строгости и холодноватой торжественности персональных выставок, к отобранной выверенности предлагаемых на них обычных работ, будет с чем не согласиться на этой выставке, найдется о чем поспорить с Шаповаловым. Но художник от спора и не уходит. Более того, он при-

глашает поискать истину вместе. Возможно, художник и не убедит вас в том, что вызывающая яркость, буквально вламывающаяся в его таллинские пейзажи, и есть главная особенность нашего древнего города, но то, что узкие улочки, черепичные крыши, флюгера и башни Старого города могут быть увиденны и так не может не очаровывать. Если вы, конечно, любите Таллин, если он дорог вам непреходящей своей молодостью и новизной.

А возможно, особенно спорным Шаповалов покажется вам в своих многочисленных портретах музыкантов, литераторов, художников. Все на той же оберточной бумаге или миллиметровке. Кнут Гамсун и Шоста-

кович, Акутагава и Бриттен. А вот едет в Персию, едет к гибели своей Грибоедов Александр Сергеевич...

Хорошо это или плохо, но Шаповалова не интересует внешнее сходство как таковое. Он рисует увиденное у художника, услышанное у композитора, прочитанное у писателя, рисует поразивших, поддаваясь магии выраженного творцом. В строгом смысле сделанное Шаповаловым не назовешь портретами, и все же — это портреты, где частное является воплощением целого, подчеркивающим целое. А вот вариации, как называет их сам художник, на темы запавших в сердце поэтических строчек. Не стихов, а только отдельных строчек. Не

иллюстрации к ним, а лишь вариации...

Если в своих пейзажах Шаповалов наиболее живописен, в портретах — полемичен, а в композициях — неожидан, то наиболее характерными и личностными представляются его работы, связанные с театром, его искусством и стихией. Театр у Шаповалова праздничен, подчеркнута светел и красив. Где-то за кадром остаются изнурительный труд, сомнения и тревоги, без которых немислимо любое творчество, а здесь на этих акварелях и рисунках — радость преодоления, торжество результата. Художник зачастую смотрит на сцену не из зрительного зала, а из-за кулис, и этот угол зрения дает ему возможность увидеть нечто неожиданное, захватывающее. При этом, сам того не замечая, Шаповалов стихийно театрален и в своих пейзажах, так похожих иногда на декорацию к спектаклю. Печать театральности лежит и на некоторых его портретах, где линия и цвет, выходя на первый план, становятся довлеющими в ущерб проникновению в суть характера. И не от нее ли в конечном счете излишняя пестрота его некоторых работ, да и неумность фантазии, пока не очень склонной в чем-то себя ограничивать. Но все сказанное, думается, из области недостатков, которые являются продолжением достоинств. Главное же из них — желание попробовать, испытать себя, добраться до берега, который видится уже впереди самому художнику. Берег этот — простота, ясность, прозрачность. И праздничность.

Виталий АНДРЕЕВ.
Фото Дмитрия ПРАНЦА.